

УДК 343.1

А.А. Козявин

канд. юрид. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Юго–Западный

государственный университет»

РЕФОРМА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ВЕК XIX И ВЕК XXI

В статье охарактеризованы порядок реализации и ключевые итоги судебно-правовых реформ, предпринятых в России в середине XIX и в конце XX веков и воплощенных в Судебные Уставы 1864 года и Уголовно-процессуальный кодекс России 2001 года. Обосновывается уникальное сходство реформ, несмотря на очевидное различие исторических этапов в развитии отечественного государства, правосудия и уголовного судопроизводства. Приводятся аргументы в пользу признания большей результативности и несопоставимой структурной логичности Судебных Уставов 1864 года по сравнению с уголовно-процессуальным правом современной России, делаются выводы о тождественности судьбы этих реформ.

...Законными и полезными могут быть признаны только такие реформы, которые являются дальнейшим развитием новой системы, а не возвращением, явным или скрытым, к прежнему порядку вещей.

К.К. Арсеньев, 1870 г. [1, с. III].

«Все возвращается на круги своя...», «история развивается по спирали», «история имеет свойство повторяться» - кому не известны эти знаменитые изречения, характеризующие ход и развитие исторического процесса? Оглядываясь на историю отечественного правосудия и уголовного судопроизводства, нельзя не заметить, насколько эти слова справедливы для характеристики пути, который прошли российское следствие и суд, да и в целом российская государственность с момента принятия Судебных Уставов 1864 года, которым было суждено оставить неизгладимый след в процессуальной науке и практике. В сущности, с того момента понятие «судебно-правовая реформа» прочно вошло в лексикон ученых-юристов и фактически не покидает его (за редкими перерывами) до настоящего времени. Так, вслед за реформой 1864 года, были реформы начала XX-го века, потом советские декреты о суде и первые уголовно-процессуальные кодексы. В 50-60-е годы на волне «хрущевской оттепели» проходила еще одна масштабная реформа уголовно-процессуального законодательства. Наконец, с началом нового, демократического этапа в развитии России, ознаменованного всенародным принятием действующей Конституции и одобрением в 1991 году Концепции судебной реформы [2], началась и новая судебно-правовая реформа.

Именно сравнительному анализу реформ, начавшихся в середине XIX-го века и на рубеже XX-го и XIX-го веков, стоит уделить особенное внимание: их причинам, ходу, а главное, их итоговой судьбе.

Причины обеих реформ удивительно похожи не только по своему содержанию, но и по обще-социальному фону, в котором им предстояло развиваться. И в XIX-ом веке, и в конце века XX-го Россия стояла перед фундаментальным выбором, куда двигаться дальше, притом, что практически все понимали, что оставаться на дореформенных позициях общество уже не в состоянии. В обоих случаях реформы не предполагались как обособленные проекты, а должны были быть включены в систему масштабной перестройки всей совокупности общественных и государственных институтов в стране.

С содержательной стороны, обе анализируемые судебно-правовые реформы имели в качестве миссии утверждение новых ценностей процессуального порядка с тем, чтобы его лицо повернулось от безличного образа государственной власти к лицу гражданина, будь то потерпевший или обвиняемый.

В Судебных Уставах 1864 года утверждалось отделение суда от административной власти, упразднение его сословного характера, вводились гарантии его независимости, закреплялось разделение процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела по

существо, само обвинение изымалось из прерогатив полицейской власти в пользу власти прокурорской. Существенному ограничению подверглось розыскное начало в уголовном процессе, была сформирована такая стадия уголовного процесса, как предварительное расследование, полномочия по которому опять же были переданы представителю власти судебной в лице ее особого должностного лица - судебного следователя, наделенного соответствующей самостоятельностью. Формальная оценка доказательств заменялась свободой оценки по внутреннему убеждению, тайный характер судебного заседания сменился его гласностью, у основных участников уголовного процесса появились процессуальные права в современном их понимании, в том числе и право на защиту. Подданным также предоставлялось право участия в отправлении правосудия (через суд присяжных заседателей), учреждался институт мировой юстиции, максимально приближенный к нуждам местного населения [3, с. 36-44]. С учетом изменений судебной, прокурорской, полицейской систем и учреждения присяжной адвокатуры, российский уголовный процесс выстраивался в смешанный тип, тяготеющий к французской его модели, учрежденной Наполеоном в 1808 году.

Точно также и в начале 90-х годов XX-го века с содержательной стороны ключевым направлением судебно-правовой реформы было определено расширение и развитие в его смешанном типе (а поздний советский уголовный процесс, вне сомнения, относился именно к смешанному типу) демократических, состязательных, диспозитивных начал, что выразилось в закреплении и последовательном проведении, во многом благодаря активной позиции Конституционного Суда России [4, с. 9-11], принципа состязательности. Также как и в XIX-ом столетии, остро стояла проблема внедрения принципа разделения властей и обеспечения независимости суда от административных, а до падения СССР – партийных, органов государства, отвечавших за борьбу с преступностью, освобождения его от несвойственных ему обвинительных функций, достижения равноправия сторон обвинения и защиты, а также укрепления прав и потерпевшего, и обвиняемого даже где-то в ущерб публичному интересу.

С психологической точки зрения причины обеих реформ состоят и в крайне негативном общественном мнении, которое сложилось о системе уголовной юстиции – как в середине XIX века, так и в конце века XX.

Наконец, с позиции юридической технологии проведение обеих реформ опиралось на очевидное сочетание положительного, как казалось их авторам, отечественного опыта, так и разумное заимствование уголовно-процессуальных институтов зарубежных стран (Франции – в XIX веке, США – в XX веке), а в случае с нашей

современной реформой – еще и международных стандартов в отправлении правосудия по уголовным делам.

Оценивая ход судебно-правовых реформ XIX-го и конца XX-го веков и внедрение их положений в жизнь, следует снова вспомнить об удивительной повторяемости истории. Дело в том, что, начавшись с радужных приветствий со стороны большей части юридической общественности, обе реформы, несмотря на очевидные успехи, позволяющие их назвать движением вперед, и, по крайней мере, не признать безрезультатными или ошибочными, столкнулись с самого начала набиравшим силу противодействием, которое в исторической науке в отношении Судебных Уставов 1864 года получило обозначение «контрреформа». В отношении же современных преобразований столь жесткий термин в науке пока не применяется, хотя необходимость в нем все более ощущается.

Если бы стояла задача кратко сформулировать главное и общее завоевание обеих судебно-правовых реформ, то при всем субъективизме собственного суждения можно было бы смело назвать небывалый рост юридической активности и юридического самосознания населения страны. Именно эти два явления позволили и в XIX-ом веке, и на рубеже тысячелетий существенно поднять престиж юридической профессии, дать мощнейший толчок к развитию института адвокатуры и всей системы судебной защиты прав личности. И это в равной степени хоть и в разных масштабах характеризует обе судебно-правовые реформы.

В остальном же следует признать, что Судебные Уставы 1864 года оказались куда более продуктивными с точки зрения свершения процессуальной революции в отечественном уголовном судопроизводстве, нежели реформа конца XX-го – начала XXI-го веков. Конечно, переход от позднесредневекового розыскного уголовного процесса в XIX-ом веке к смешанному не может не быть более ярким событием, чем пусть и принципиальная, но все же модернизация советского смешанного уголовного процесса до смешанного нового российского. Тем не менее, создается стойкое убеждение, что проведенные в самодержавной России преобразования оставили нам процессуальное наследие «на века», а вот новеллы Уголовно-процессуального кодекса России 2001 года могут не прожить и 20-ти – 30-ти лет. Так, в современном уголовном процессе были возрождены институты мировой юстиции и суд присяжных, которые были учреждены именно в XIX-ом веке, да и организация следственной и прокурорской деятельности в основе своей корнями уходит в Уставы 1864 года. И связано это с тем, что при всех недостатках и компромиссных решениях, которых нельзя было избежать в ходе

подготовки и утверждения Судебных Уставов, у реформы 1864 года была стройная логическая структура, суть которой – уголовное преследование организационно не может корректировать объективное познание обстоятельств совершенного преступления и воздействовать на власть судебную. Отсюда возникает институт именно судебного следователя, пусть и с известными издержками, объективного и беспристрастного, которому, разумеется, можно доверить такую цель уголовного процесса, как достижение пресловутой объективной истины по делу. При этом ему не мешают чрезмерные формально-юридические барьеры в процессе доказывания или в системе стадий уголовного процесса, нет даже стадии возбуждения уголовного дела, хотя водораздел между полицейской и процессуальной следственной деятельностью уже ощутим. В то же время логично, что в уголовном процессе самодержавной России при ее особом внимании к публичности сферы борьбы с преступностью не применяются никакие элементы концепции «уголовного иска», вроде сделок о признании вины или целесообразности уголовного преследования.

Современный же уголовный процесс, будучи результатом реформы 90-х годов XX-го века, как раз прослыл образцом противоречивости, эклектичности и непоследовательного внедрения идей концепции «уголовного иска» в традиционную (еще с дореволюционных времен) ткань уголовно-процессуальной формы, нацеленной на достижение объективной истины. В результате, демократические принципы, соответствующие этой концепции, обреченно увязли в старой структуре досудебного производства и уголовно-процессуального доказывания, характерной для парадигмы «объективная истина». Вот почему среди предложений по совершенствованию действующего уголовно-процессуального права к числу наиболее обсуждаемых в науке относятся объективная истина и гарантии ее установления, отказ от стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 16-17] (а первый шаг на данном пути в марте 2013 года был сделан), а также возрождение института судебного следователя [6, с. 10-13; 7, с. 17-21]. Опять же странно, что, когда данные предложения облакаются в форму законодательной инициативы, они нелогично друг друга не предполагают [8].

Ход обеих судебно-правовых реформ, как уже было указано выше, с течением времени лишь усиливал противодействие им. И здесь снова вспомним об историческом свойстве «возвращаться на круги своя», которое вызвало к жизни единую логику законодательной «контрреформы» и в XIX-ом, и в XXI-ом веках: усиление полицейского, розыскного, публичного начала в ущерб состязательности и правам личности, независимости суда.

Так, в 1870 году министру юстиции позволили командировать для

осуществления функций судебных следователей своих чиновников, в 1874 г. установлена зависимость адвокатуры от судов, в 1885 году появились изъятия из принципа судейской несменяемости, в 1887 г. введены ограничения для гласности в судах, в 1871, 1872 и 1878 годах судебное разбирательство по государственным преступлениям заменено административным производством, в 1878 и 1889 годах сокращена компетенция суда присяжных и т.д. [3, с. 41].

В современном же российском уголовном процессе произошло нечто похожее, причем усилия в «контрреформе» почти поровну разделили законодатель и Конституционный Суд России. Так, в 2003 году впервые с момента реформы расширены основания для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК России, в 2008 и 2013 году состоялось очередное их расширение. Фактически был реанимирован институт возвращения уголовного дела из суда для производства дополнительного расследования, весьма популярный среди ученых-процессуалистов и практиков [9, с. 99-100; 10, с. 135-136; 11, с. 96-100; 12], в том числе и в целях предъявить обвиняемому более тяжкое обвинение, в том числе и по инициативе суда, как неожиданно и наперекор ранее сформулированным правовым позициям указал Конституционный Суд [13].

В 2005 году снят принципиальный запрет на поворот к худшему при проверке уже вступивших в законную силу приговоров суда, а в 2007 году – при возобновлении производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. В 2006 году введена возможность проведения заочного судебного разбирательства при отсутствии согласия подсудимого. В 2007 году усложнено производство дознания, существенно урезаны полномочия прокурора по надзору за следствием с их передачей руководителям следственных органов, прокурор лишился права возбудить уголовное дело самостоятельно и давать согласие на возбуждение каждого уголовного дела. В 2008 году существенно сужена подсудность суда с участием присяжных заседателей. В 2011 году созданием Следственного комитета России началось переформирование следственных органов, которое, как утверждают многие, должно завершиться созданием на основе Следственного комитета сверхмощного и сверхцентрализованного единого следственного органа с лишением МВД следственного аппарата. В 2014 году в Государственную Думу внесен законопроект об усечении презумпции невиновности, снятии всех барьеров для возвращения уголовного дела из суда на доследование, о восстановлении такого основания как отмене приговора, как неполнота, необъективность и односторонность исследования обстоятельств уголовного дела [14]. Нет определенности, устоят ли особые правила,

введенные в эпоху президентства Д.А. Медведева, в отношении поводов к возбуждению уголовного дела, оснований его прекращения и порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу применительно к преступлениям в сфере предпринимательства.

Безусловно, каждое из состоявшихся изменений уголовно-процессуальной формы является отдельным объектом для дискуссии, и в задачу настоящей статьи не входит оценка их правильности или ошибочности. Вместе с тем, общая тенденция возвращения на дореформенные позиции и в XIX-ом, и в XIX-ом веках все-таки прослеживается: в России демократические, состязательные начала не приживаются и постепенно сворачиваются [15, с. 71-77].

Есть у такой общей судьбы судебно-правовых реформ XIX-го и XXI-го века и удивительно общие исторические причины: в России традиционно не было и нет ни одной социальной сферы, где реально стимулируется конкуренция, а без конкуренции в экономике, производстве, политике, науке, образовании, медицине и социальной сфере не может быть и конкуренции (состязательности) в уголовном судопроизводстве и в системе отправления правосудия вообще. Ей объективно не было места в самодержавном российском государстве века XIX-го, так и не решившемся на завершение всего комплекса социальных реформ учреждением Конституции. Примечательно, что большинство дореволюционных ученых (И.Я. Фойницкий, Н.Н. Розин, Вл. Случевский и др.) не раз обосновывали значимость принципа разделения властей в государственном организме, опираясь на уже внедренный Судебными Уставами 1864 г. принцип разделения процессуальных функций обвинения, защиты и юстиции [16, с. 119-186]. Увы, нет конкуренции места и сейчас – в государстве, пронизанном всеобъемлющим монополизмом.

Поэтому не удивительно, что основным аргументом в пользу отступления от ключевых положений судебно-правовой реформы является несоответствие новых процессуальных форм менталитету российского народа, его правовым традициям, а также конкретному историческому моменту и его общегосударственным задачам. Так мотивировал необходимость контрреформ в объяснительной записке министр юстиции Российской Империи Н.В. Муравьев [17, с. 65 и сл.], таковы же и доводы современных ученых-процессуалистов, политических деятелей и руководителей государственных органов и служб [18].

В отличие от Судебных Уставов 1864 года, сохранивших свою силу и значимость в большинстве тех сфер, которые не касались государственного самодержавного строя, и упраздненных лишь в результате тотального социального потрясения – Октябрьской революции 1917 года, российская судебно-правовая реформа XXI века,

все более усугубляя разрыв между декларированными принципами и реальной уголовно-процессуальной деятельностью, вряд ли оставит потомкам какое-либо оригинальное правовое наследие.

Нужно признать, что у обеих судебно-правовых реформ одинаковая судьба – в той или иной степени остаться совокупностью несбывшихся надежд, ибо заложенный в них социальный потенциал, направленный на правовое воспитание социально активного населения и развитие гражданского общества, в целом был не реализован. Возможно, в этом видится основание для разработки новой концепции судебно-правовой реформы в России.

Список использованных источников

1 Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. - С.-Петербург, 1870. – 235 с.

2 Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. - М.: Республика, 1992. - 111 с.

3 Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – Пг., 1916. // Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – С. 36-44.

4 Божьев В. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. - 2000. - № 10. - С. 9 - 11.

5 Гаврилов Б.Я. Влияние уголовно-процессуального законодательства на состояние борьбы с преступностью: цифры и факты // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сб. статей. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 16-17.

6 Рябина Т.К., Козьяин А.А. Системные противоречия процессуальной формы предварительного расследования и пути их разрешения // Российский следователь. – 2009. - № 21. – С. 10-13.

7 Рябина Т.К. Следственный комитет или судебный следователь // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 1. – С. 17–21.

8 Обсуждение законопроектов: проект федерального закона "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу" [Электронный ресурс] // URL: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551> (Дата обращения: 24.02.2018).

9 Давыдов В.А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции. - М., 2006. - 280 с.

10 Лукожев Х.М. Возвращение уголовного дела для дополнительного

расследования // Научные труды. РАЮН. В 3-х т. - М., 2005. - Т. 3. - С. 135 – 136.

11 Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу возвращения уголовного дела в досудебное производство // Уголовное право. - 2009. - № 4. - С. 96 – 100.

12 Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда России по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения [Электронный ресурс] // URL: <http://www.iaaj.net/node/1409> (Дата обращения: 24.02.2018).

13 Постановление Конституционного Суда России от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Российская газета. – 2013. – 12 июля.

14 Александр Бастрыкин добрался до истины: инициатива силовиков о второстепенности презумпции невиновности внесена в Госдуму [Электронный ресурс] // URL: http://www.ng.ru/politics/2014-01-31/1_bastrykin.html (Дата обращения: 24.02.2018).

15 Лазарева В.А. Стереотипы мышления как тормоз становления состязательности в уголовном процессе Российской Федерации // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6-8 октября 2010 года / Сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 71-77.

16 Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – 272 с.

17 Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. – СПб., 1900. – Т. 1. – 94 с.

18 Судьям предложат не полагаться на позиции прокуроров и адвокатов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rbcdaily.ru/society/562949990413884> (Дата обращения: 24.02.2018).

The article describes the procedure of implementation and key results of judicial and legal reforms undertaken in Russia in the middle of XIX and at the end of XX centuries and embodied in the Judicial Statutes of 1864 and the code of Criminal procedure of Russia in 2001. The unique similarity of reforms, despite the obvious difference between the historical stages in the development of the domestic state, justice and criminal justice, is substantiated. The arguments in favor of recognizing the greater effectiveness and incomparable structural logic of the Judicial Statutes of 1864 in comparison with the criminal procedure law of modern Russia are given, conclusions about the identity of the fate of these reforms are made.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ